

## ***Какого цвета фалернское вино?***

*Ирина Чайковская*

Роквилл, Мэриленд.

Опубликовано 17 декабря 2004 г. В журнале «Чайка» №24 (35).

Каждая профессия предполагает наличие у людей, ею занимающихся, некоторых вполне определенных личностных черт. Редкая профессия архивиста-текстолога — не исключение. Мне кажется, что тот, кто ею занят, должен быть непременно человеком въедливым, упорным, дотошным. И еще у него должно быть сильно развитое художественное воображение, в чем-то близкое воображению творца, чьи рукописи он исследует.

Помню, на семинарах пушкиниста-текстолога Сергея Михайловича Бонди, в Московском университете, профессор горячо убеждал аудиторию, что нет никакой “тихой славы” в хрестоматийных пушкинских строчках из стихотворения “К Чаадаеву”.

“Слава, — говорил профессор, — была в те времена только громкой, военной, — то, что в пушкинском тексте оказался неверный эпитет “тихой”, — следствие невыверенности рукописи, так как стихотворение, как известно, гуляло по рукам в тогдашнем “самиздате”.

Сколько таких произвольных искажений может выдержать стихотворение, поэма, роман?

Можно ли вернуть книге писателя, почти потерявшей свой голос, по вине цензурной правки, недобросовестной самовлюбленной редакции, ее истинное первоначальное звучание? И нужно ли это делать, уподобляясь экологу, убирающему из нашей пищи ядовитые примеси? Все эти вопросы крутились у меня в голове, когда я читала книгу Лидии Яновской “Записки о Михаиле Булгакове”. Вчитываясь в

книгу Яновской, понимаешь, что говорит она не только о текстологии, но и о предметах от нее далеких. Но давайте по порядку.

Булгаков поражает. Меня он поражал несколько раз, и я запомнила эти разы — как откровение. Впервые — в далеком 1967-м, когда читала в читальном зале из запертого шкафа вынутые заветные номера “Москвы” с “Мастером и Маргаритой”. Позднее узналось, что булгаковский текст в этих двух номерах журнала был изуродован огромным количеством купюр, урезан, по причине нехватки места для опуса одного из журнальных сотрудников, — но даже и в таком виде он вызывал дрожь, восторг, удивление. Было ощущение, что с тобой, может быть, первый раз после Пушкина и Толстого, говорят по-серьезному, именно о том, о чем надо говорить с человеком, да так, что захватывает дух. Потом в журнале же наткнулась на первую публикацию булгаковской пьесы “Адам и Ева” (1987) и помню, как читая, думала: как такое могло быть не напечатано? как можно вообще что-то другое ставить, если есть такая пьеса! (Странно, но “Адама и Еву” не ставят и сейчас!).

Еще было удивление, засевшее в душу иглой и сидящее до сих пор, — перед одной ремаркой в гениальной “Кабале святош”. Там сказано о высоком католическом прелате — “становится дьяволом”. И так это хорошо мною увиделось и запомнилось, что посеючас в некоторые жизненные моменты про сегодняшних реальных персонажей иногда шепчу про себя эту булгаковскую ремарку. В далеко не юном возрасте прочитала небольшой булгаковский рассказ “Ханский огонь” — и снова удивление и радость. Не могу забыть еще одну сильно поразившую меня публикацию. Это были письма Булгакова правительству и Сталину. Если не ошибаюсь, с началом перестройки их опубликовал “Новый мир”. В то время книжка журнала с этими бесстрашными и горькими письмами стояла у меня в шкафу на самом видном месте, я их перечитывала сама, брала с собой в школу, чтобы

прочитать старшеклассникам... Нет сейчас у меня этих писем, и не смогла я их найти в, казалось бы, безразмерном интернете. А как хотелось бы поделиться строчками из них с сегодняшним читателем! Но вернемся к книге Лидии Яновской. Она говорит о серьезнейших проблемах булгаковедения — воссоздании правдивой биографии писателя и его достоверных, очищенных от посторонних наслоений текстов, что во многом связано с сохранностью булгаковского архива. Посмотрим, что мы имеем сегодня в этих разделах, ведающих посмертной жизнью Булгакова в литературе.

Итак — биография. Книг о Михаиле Афанасьевиче появилось ныне много, что связано с невероятным шумом вокруг его имени, начавшимся с конца 60-х годов, времени издания “Мастера и Маргариты”. Но уважаемые булгаковеды, увы, живут не дружно, у них много накопилось претензий и вопросов друг к другу, чему книга Яновской — наглядное свидетельство. Не буду множить рознь, называя фамилии литературоведов, упомянутых автором со знаком минус. Перейду сразу к делу. В книге Яновской о писателе (и его близких) говорится уважительно, точно, с сочувствием и пониманием. “Немного же”, — скажет читатель, — и будет неправ. Скольким исследователям эта тема нужна только как возможность получить аудиторию, выкрикнуть что-то сенсационное, неслыханное, пикантное, а часто и несправедливое и грубое. Помню, как читала статью об антисемитизме Булгакова. Не верилось, но вот они, свидетельства. Какие? Да хотя бы то, что Иисус у Булгакова не знает своего происхождения, говорит, что отец его, возможно, был сириец. Верно, но Иешуа — булгаковский персонаж; писатель свободен порывать с канонами, и никто ему не указ. Исходя из примитивной логики подобного обвинения, можно и Фрейда заподозрить в антисемитизме, ведь, по словам великого психиатра, Моисей — египтянин. Но доказательства такого рода не иссякают. В ход идет Швондер из “Собачьего сердца”, персонаж явно отрицательный.

Ну и что? Что это доказывает? Что среди малосимпатичных порожденных революцией “председателей домкомов” были евреи? А то мы с вами этого не знали! Но ведь были в те времена и молодые одаренные хирурги, подобные сыну судебного следователя из Вильно, ученику и другу профессора Преображенского — Борменталю. Борменталь с той же брезгливостью и негодованием относится к Швондеру, что и Преображенский, сын протоирея. И оба знают, что Шариковы, первоначально ищущие у Швондера защиты, затем станут для него и его единоплеменников потенциально опасны. Так почему же Булгаков, показавший этот завязавшийся узел, — антисемит?

На фоне рассуждений, подобных вышеприведенному, было интересно прочитать у Яновской строчки, посвященные Булгаковым Арону Эрлиху из автобиографической повести “Тайному другу”. Речь идет о приеме Булгакова на работу в газету “Гудок”, куда Эрлих буквально “за руку” привел неустроенного и бесприютного начинающего писателя в голодном 1922 году.

“Абрам (имя Эрлиха изменено, — И.Ч) меня взял за рукав на улице и привел в редакцию одной большой газеты, в которой он работал. Я предложил по его наущению себя в качестве обработчика. Так назывались в этой газете люди, которые малограмотный материал превращали в грамотный и годный к печатанию. Мне дали какую-то корреспонденцию из провинции, я ее переработал, ее куда-то унесли, и вышел Абрам с печальными глазами и, не зная, куда девать их, сообщил, что я найден не годным.

Из памяти у меня вывалилось совершенно, почему через несколько дней я подвергся вторичному испытанию. Хоть убейте, не помню. Но помню, что уже через неделю приблизительно я сидел за измызганным колченогим столом в редакции и писал, мысленно славословя Абрама”.

Жаль, что Эрлих, по словам Яновской, так никогда и не узнал о существовании этих булгаковских записок.

Яновская спорит с ходячей точкой зрения, что Булгаков “не мог не быть” антисемитом, ибо вырос в среде, которая “не могла не быть” антисемитской”. Аргумент убийственный. Среда православного духовенства (отец Михаила Булгакова был профессором Киевской Духовной академии), казалось бы, по определению должна была отличаться нелюбовью к евреям. Но — и на это обращает внимание Яновская — в кругу ближайших друзей семьи Афанасия Булгакова был человек, который стал одним из незаметных героев “дела Бейлиса” (1913 г.). Слышал ли ты читатель, об отце Александре Глаголеве, который, будучи экспертом на процессе, вопреки полученным от начальства рекомендациям, мягко, но твердо стоял на своем: еврейская религия ритуальных убийств не допускает. Во многом благодаря неподкупному священнику Глаголеву и его однозначной экспертизе, суд присяжных оправдал Бейлиса, признал его невиновным в ритуальном убийстве христианского младенца Андрея Ющинского. Между тем, отец Александр был соседом и другом семьи Булгаковых, отпевал мать Михаила, венчал его с первой женой Татьяной Лаппа (как раз в год процесса над Бейлисом). Вот вам и среда... В книге Яновской приводятся документы, свидетельствующие, что отец Елены Сергеевны Булгаковой, жены и музы писателя, ставшей прообразом Маргариты, был евреем. Это обстоятельство, как видим, не явилось препятствием для их брака. Однако трудно остановить пишущую братию, одержимую некой идеей. Яновская приводит выдержку из интервью с литератором (кстати, евреем), впервые, как сейчас говорят, “озвучившим” гипотезу об антисемитизме Булгакова.

Тот удивляется: “Но зачем все принимать так близко к сердцу? Ведь мы же не ногу отрезаем. И тексты, и метатексты — игра, всегда хочется соригинальничать. Это же естественно”. Исследовательница

не уточняет, по поводу Булгакова или нет высказывался литератор, но даже если он просто формулировал свое кредо, горе тому, кто попал или еще попадет в сферу его “творческого” внимания!

Нужно сказать, что, живя в России и занимаясь русской литературой, я как-то свыклась с тем, что многие русские писатели не любили евреев, писали о них с ехидной насмешкой, а то и с ненавистью. Гоголь, Достоевский — про них мы знаем доподлинно, как говорится, из первых рук. Но стоит ли делать антисемитов из Пушкина? Чехова? Булгакова?

У каждого из них можно выдернуть из произведений или из переписки строчку-другую якобы “антиеврейских” высказываний. Чуть это! Просто наши писатели слыхом не слыхивали о так называемой “политкорректности”, насаждаемой сейчас в Америке. Это чудовищное изобретение демократии позволило даже Марка Твена и Гарриет Бичер-Стоу причислить к “расистам” и попытаться изъять их книги из школьной программы (например, в штате Техас).<sup>1</sup> Не будем же уподобляться неразумным! Нет, *не отдам* антисемитам Булгакова! Слышите, не отдам!

Но двинемся дальше по биографии писателя, направляемые книгой Лидии Яновской.

Еще один штрих, заставивший меня призадуматься. Яновская цитирует отрывки из опубликованных ныне писем осведомителя, хранившихся в “деле” Булгакова на Лубянке. По их содержанию понятно, что доносчик был в ближайшем булгаковском окружении. Он упоминает и свою жену, которая также принята в доме Булгаковых. В доносе анализируется душевное состояние драматурга после разгромной редакционной статьи в “Правде” “Внешний блеск и фальшивое содержание”, последовавшей за триумфальным успехом булгаковского “Мольера” во МХАТе (март 1936 г.). Как и в случае с “Леди Макбет Мценского уезда” Дмитрия Шостаковича, в том же году с

огромным успехом шедшей в Москве и Ленинграде и снятой со сцены сразу после редакционной (сталинской) статьи “Сумбур вместо музыки”, “Мольер” во МХАТе был сразу снят. Мало того, уже приготовленная премьера “Ивана Васильевича” в театре Сатиры света рампы не увидела. Так вот, доносчик, свидетель ужасающего состояния автора, с завидной четкостью это состояние фиксирует и при этом “предательски”, по слову Яновской, указывает властям на самое сокровенное, самое важное в данный момент для творца — судьбу его новой пьесы “Александр Пушкин”, принятую к постановке театром Вахтангова. Не удержусь и процитирую сию цидулю, вышедшую, как пишет Яновская, “прямо из дома — живого, теплого булгаковского дома, кем-то преданного и проданного”: “Сам Булгаков сейчас находится в очень подавленном состоянии (у него вновь усилилась его боязнь ходить по улицам одному, хотя внешне он старается ее скрыть). Кроме огорчения от того, что его пьеса, которая репетировалась четыре с половиной года, снята после семи представлений, его пугает его дальнейшая судьба как писателя... Он боится, что театры не будут больше рисковать ставить его пьесы, в частности уже принятую театром Вахтангова “Александр Пушкин...”. (Пьеса, конечно же, была снята с постановки, — *И.Ч.*).

Булгаковеды высказывают разные предположения, “идентифицируя” возможного доносчика, Яновская выдвигает свою версию, не совпадающую с версиями, скажем, Шенталинского или М.Чудаковой. Меня в этой ситуации занимает вопрос, догадывался ли сам Булгаков о существовании мнимого друга, друга-предателя? Интуитивно, наверное, да. Иначе откуда такая мощная тема предательства в “Мастере и Маргарите!” Листаю книгу Яновской, и в главе, посвященной работе Булгакова с библейскими источниками, натываюсь на текстологический спор автора еще с одним исследователем по поводу светильников, которые зажег Иуда из

Кириафа, пригласив к себе в дом Иешуа Га-Ноцри. Иешуа, как помнит читатель, рассказывает об этом приеме Пятому Прокуратору Иудеи, Понтию Пилату. Рассказывает простодушно, называя Иуду “добрым и любознательным человеком”, не ведая умысла в том, что хозяин зажег вокруг него светильники.

*“— Светильники зажег... — сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали.*

*— Да, — немного удивившись осведомленности прокуратора, продолжал Иешуа, — попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть. Его этот вопрос чрезвычайно интересовал”.*

Внимательный читатель, возможно, и без комментариев поймет, что “светильники” здесь неспроста — не для борьбы с темнотой и не в честь гостя зажигает их хозяин. Но насколько объемнее становится эта деталь, когда узнаешь, что почерпнута она из Талмуда или из книги Э.Ренана “Жизнь Иисуса” (версия Яновской), где рассказывается, что при обвинении “возле обвиняемого зажигаются две свечи, дабы занести в протокол, что свидетели его “видели”. Мы помним, что сцена у Прокуратора завершается его фальшивым славословием правящему императору Тиверию. Он, человек власти, прекрасно сознает, что за каждым его словом и жестом следят, потому и кричит сорванным голосом словно прямо в уши “писцам” и доносчикам: *“На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия!”*

И когда читаешь донос, отправленный кем-то из булгаковских друзей, особенно такой его пассаж: “Также замалчивает Булгаков мои попытки уговорить его написать пьесу с безоговорочно советской позиции”, — так и слышится это: “На свете не было, нет, и не будет....” В сущности, доносчик еще раз, на всякий случай, подтверждает властям свою лояльность. Писатель Булгаков прозревал

предательство, видел его пружины и механизмы, знал его слова и интонации. А в жизни, увы, не раз зажигал свою домашнюю лампу “под кремовым абажуром”, бессознательно помогая доносчику...

Писатель и власть. Это одна из важнейших тем не только творчества (см. “Мольера!”), но и жизни Булгакова. В книге Яновской, посвященной совсем другим вопросам, мы все же находим следы “уничтожения Булгакова” властью. Она, эта не любимая им власть, катком проходит по его судьбе, не давая писать, жить, дышать, последовательно погружая во мрак. Не знаю, кого еще так мучили. Запрещаются книги, пьесы, пишутся заказные полные яда и ненависти рецензии (их он собрал 298!), закрытые заседания Политбюро специально посвящаются вопросу, запрещать или не запрещать очередную гениальную пьесу драматурга. На навязчивую идею — бежать, уехать за границу, уйти хоть на время от травли, от слежки, от всевидящего глаза и всеслышащих ушей, ответ один — не пускать! За границу не пускают, а в отечестве — поначалу полный сил, молодой, энергичный и смелый, божественно одаренный художник кончает жизнь, не дожив до пятидесяти, страдая от жесточайшего физического недуга и тяжелой депрессии.

За что эти муки? Почему? Может быть, потому, что только глухой не услышит чистой ноты его творений, что с первого слова, с самого начального звука в них распознается Мастер?

Или потому, что уж очень хотелось власти его раздавить, заставить ползать, предать себя и других? Но ведь не получилось. Выписываю ответы Булгакова на допросе в ОГПУ, куда его “пригласили” осенью 1926-го года (а “дело” на него и соответственно слежка заведены аж с 1922-го!): *“Мои симпатии были всецело на стороне белых, на отступление которых я смотрел с ужасом и недоумением.*

— Считаете ли вы, что в “Собачем сердце” есть политическая подкладка?

— Да, политические моменты есть, оппозиционные существующему строю.

— Укажите фамилии лиц, бывших в кружке “Зеленая лампа”.

— *Отказываюсь по соображениям этического порядка*.<sup>2</sup>

Типичный Иешуа Га-Ноцри, остающийся человеком в условиях нечеловеческих, сохраняющий понятия совести и достоинства в ситуациях, когда их, совесть и достоинство, попирают железным сапогом. Позднее Булгаков говорил, что во время допроса ждал выстрела в спину. И в письмах к Сталину — то же бесстрашие и та же “наивная” га-ноцриевская простота.

А круг вокруг писателя сужался, петля сжималась. Яновская пишет о ближайшем друге Михаила Булгакова Николае Лямине, филологе, тонком ценителе литературе, первом слушателе булгаковского “Мастера...”: *“Молодой мудрец с высоким прекрасным лбом и ясными, полными мысли глазами. Самый лучший собеседник на свете. Самый внимательный слушатель. Тот единственный, на чьих глазах разворачивалось чудо романа...”*.

Лямин был арестован весной 1936 года, 3 года мыкался в северных лагерях, перенес цингу. В 1939 году, оказавшись в Калуге без права на жительство в Москве, он пишет другу: *“Старался, главу за главой, вспомнить весь твой роман и досадовал на провалы моей памяти. Как бы мне хотелось перечитать его еще раз, как бы хотелось быть около тебя, а я даже не имею возможности съездить в Москву”*. Приехал Лямин в Москву тайно, на один день, без ночевки, — прощаться, будто предчувствуя, что скоро снова будет арестован и след его затеряется в лагерной пыли.

Михаил Булгаков арестован не был, ему выпало пройти свой крестный путь — пытку страхом, безнадежностью, одиночеством.

Поражает деталь, приведенная в книге: писатель Ленч увидел Булгакова в затененной комнате, где горела одна неяркая лампа. Но даже этого света не могли вынести глаза затравленного несчастного Мастера — он был в темных очках.<sup>3</sup> В дневнике Елены Сергеевны Булгаковой за 1937 год есть фраза, которая, по мнению Яновской, передает слова самого Михаила Булгакова: “Мы совершенно одиноки и положение наше страшно”.

Вот и сказалось имя, которое нельзя не упомянуть, говоря о гениальном писателе, — Елена Сергеевна Булгакова. Она же Маргарита, она же “колдунья”, как шутя называла ее Ахматова, жившая в эвакуации в Ташкенте в той самой комнате, где до нее обитала вдова М.А. По какой-то непонятной (или понятной?) причине не вызывает Елена Сергеевна симпатии у булгаковедов. Чего только ни пишут они о третьей жене Булгакова, его “тайном друге”, его спутнице до последнего часа, той, кому завещал он все права на свои книги и которая неумолимо “пробивала” и в итоге “пробила” в печать его главные произведения.

В книге Лидии Яновской о Елене Сергеевне говорится с уважением и восхищением. Мне, признаться, такая позиция больше по душе, чем желание без всяких доказательств сделать жену писателя его “злым гением”, чуть ли не направленным к нему органами госбезопасности. И опять хочется воскликнуть: “Чушь это!” А если не опомнятся, дать прочесть отрывок из бессмертного романа:

*“Лишь только она шагнула внутрь, она припала ко мне, вся мокрая, с мокрыми щеками и развевшимися волосами, дрожащая. Я мог произнести только одно слово:*

— Ты... ты? — и голос мой прервался, и мы побежали вниз. Она освободилась в передней от пальто, и мы быстро вошли в первую комнату. Тихо вскрикнув, она голыми руками выбросила из печки на пол последнее, что там оставалось, пачку, которая занялась снизу. Дым

наполнил комнату сейчас же. Я ногами затоптал огонь, а она повалилась на диван и заплакала неудержимо и судорожно.

Когда она утихла, я сказал:

— Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно.

Она поднялась и заговорила.

— Боже, как ты болен. За что это, за что? Но я тебя спасу, я тебя спасу.

Что же это такое?

Я видел ее вспухшие от дыма и плача глаза, чувствовал, как холодные руки гладят мой лоб.

— Я тебя вылечу, вылечу, — бормотала она, впиваясь мне в плечи, — ты восстановишь его. Зачем, зачем я не оставила у себя один экземпляр!

Она оскалилась от ярости, что-то еще говорила невнятное.

Яновская, видевшая вдову писателя, когда той было около семидесяти, констатирует: *“Она была прекрасна. И, безусловно, была королевой”.*

*Глава, посвященная Елене Булгаковой, так и называется “Королева моя французская...”*

Дочь еврея, принявшего лютеранство, а затем крестившегося в православие, с материнской стороны — внучка православного священника (в книге приведены любопытные разыскания родословной прототипа “наследницы Маргариты Валуа”), — Елена Сергеевна была наделена королевскими достоинствами — красотой, дерзкой смелостью, умением радоваться и без уныния ждать прихода ожидаемой радости. Не правда ли, все перечисленные черты словно позаимствованы у романной Маргариты? Последние 30 лет после смерти Булгакова она, по словам Яновской, ждала, “что Россия однажды очнется — не может не очнуться — и примет своего гениального писателя”. Так и случилось, но далеко не сразу — в книге приведены даты постепенного вхождения в жизнь произведений

Булгакова — пьес, рассказов, “Театрального романа”, “Мастера и Маргариты..”.

Елена Булгакова активно приближала наступление чуда — встречалась с редакторами журналов, вела переговоры с издателями, попеременно переходя от надежд к разочарованиям и снова к надежде, она же готовила тексты к будущему выходу в свет, кропотливо работала над рукописями. “Ведь автор так и не подготовил к печати свой великий роман (известны 6 рукописей-редакций романа, из которых последняя, шестая, считается канонической, — *И.Ч.*) Пухлая машинопись, надиктованная им в начале лета 1938 года — почти за два года до смерти, — густо испещрена правкой. Его, а часто и ее — под диктовку — рукою. Поправки на тексте и вставки на полях. Вкладные листы — рукописные (ее рукою) и такие же на машинке (ее машинка). Отдельные тетради с надиктованными поправками. Правка наслаивалась. Возникали несовпадения. Почему? Забыл вычеркнуть отмененную поправку?.. Как угадать, как не нарушить последнюю волю автора?” Цитирую специально для тех, кто никогда не сталкивался с работой текстолога. Елена Сергеевна Булгакова, судя по оценке ее труда профессионалом, в совершенстве овладела этой нелегкой профессией, требующей не только внимания, но чутья и вкуса.

Кажется, пришло время перейти к теме булгаковских текстов, с особой силой волнующей автора книги, архивиста-текстолога. Каким мы получили и получаем булгаковское наследие? Соответствует ли то, что мы читаем в книгах под именем Булгакова, последней воле автора? Яновская отвечает, нет, часто не соответствует. Исследовательница говорит о более тысячи (!) искажений, допущенных, например, в журнальной публикации “Собачьего сердца”. Оказывается, журнал “Знамя”, ничтоже сумняшеся, просто перепечатал текст повести из иностранного издания, не удосужившись сделать текстологическую проверку. Для Яновской подлинный, не испорченный чужой правкой,

случайными небрежными искажениями текст писателя — святыня, а для остальной публики? Вот даже высокие профессионалы журнального дела считают, что сличение с рукописью — “это роскошь”, которую может себе позволить только академическое издание. А уж обычный читатель... “Какая разница! Повесть “Собачье сердце” прекрасна, и это же замечательно, что Булгакова не может испортить даже тысяча искажений!... (стр. 323) Какое однако чудовищное заблуждение! Ведь и природа кажется нам, близоруким, способной вместить все горы мусора, ядохимикатов и еще более страшных отходов, порожденных индустриальной деятельностью человека. Но нет, происходит экологическая катастрофа, и озеро гибнет, море перестает существовать, а оазис превращается в мертвую пустыню. Отравленная тяжелыми металлами вода остается водой, ею можно утолять жажду. Но надо ли? Представьте себе, что в хрестоматийную фразу, предположим, из “Анны Карениной” Толстого “Все смешалось в доме Облонских” мы добавим хоть одно слово: “Все смешалось в богатом доме Облонских”. Слышите? — нарушился ритм фразы, изменилось ее дыхание, сдвинулись смысловые и интонационные акценты. Почему же такое можно проделывать с Булгаковым, который и на смертном одре продолжал совершенствовать и шлифовать свой последний роман.

Как увлекательно читать о процессе работы автора над рукописью! И впрямь, с Лидией Яновской рукописи разговаривают. Недаром свою работу она воспринимает как труд охотника, следопыта: “Есть сладкое чувство исследователя — древнее чувство охотника, когда в одиночку, осторожно и внимательно пригибаясь над письменным столом, как над тропой, шаг за шагом, чтобы не спугнуть, по едва намеченному следу идешь за истиной....” По записям в дневнике, по словно подслушанным разговорам в гостиной Булгаковых, по каким-то лишь ей ведомым признакам, она может догадаться, что

предшествовало появлению в булгаковской тетради названия “Театральный роман”.

Пересмотрев все 6 редакций “Мастера и Маргариты”, может понять почему Понтий Пилат стал у Булгакова не Шестым, а Пятым Прокуратором Иудеи. Объяснить нам (и этому вопросу посвящена специальная журнальная статья!), почему Пилат с Афранием пьют не Фалернское вино, а Цекубу. Оказывается, знаменитое Фалернское (помните пушкинское — “Пьяной горечью Фалерна Чашу мне наполни, мальчик!) имело золотистый цвет, в то время как персонажи у Булгакова должны были пить “густое красное вино” — под цвет крови. Что и говорить, профессия архивиста-текстолога, очень интересна, хотя и опасна. Да, я не оговорилась, судя по опыту Яновской, даже очень опасна. Все же далеко не всякого взыскующего правды исследователя, работающего на ниве булгаковедения 30 лет, начиная еще с тех времен, когда булгаковская звезда на горизонте еще не возшла, “выгоняют из отечества взащей”. Нет, не пришлось Яновская ко двору в новое время: слишком громко кричала, что архив Булгакова закрыт для изучения и находится под присмотром “недремлющих органов”, что из него изымаются единицы хранения, а взамен приносятся другие, что под крышей Государственной Библиотеки имени Ленина, куда Елена Сергеевна Булгакова передала полностью и в полной сохранности архив писателя, творятся странные дела, в духе оруэлловских страшилок. Вот только один абзац из открытого письма Яновской тогдашнему министру культуры Николаю Губенко: *“Летом 1987 г., впервые после многолетнего перерыва получив доступ к фонду Булгакова, в ОР ГБЛ (отдел рукописей Государственной Библиотеки имени Ленина, —И.Ч.), я обнаружила в этом фонде чудовищные недостатки. Часть рукописей и других материалов расхищена. Полагаю, что часть рукописей уничтожена. Денежная стоимость булгаковского архива — многомиллионна, стоимость*

*пропавших бумаг — ответственна*". Думаю, что Лидия Марковна Яновская не решилась в письме к должностному лицу прямо сказать, что архив Булгакова цены не имеет, он бесценен, и потеря или фальсификация его части — утрата для культуры *невосполнимая*. Так что же творится с булгаковским архивом? Кто в ответе за уничтожение и подмену документов?

Есть в книге еще одна тема, впрямую, на первый взгляд, с Булгаковым не связанная. Книга, которую я держу в руках, написана человеком незаслуженно обиженным и обиды своей не скрывающим. Вначале отлученная от булгаковского архива, куда после смерти Елены Булгаковой, пришли другие порядки и другие люди, затем практически вышвырнутая из страны (с 1992-го года Яновская живет в Израиле), автор выплескивает на страницы свою боль и свое негодование. Будучи в России, она кричала в пустоту — никто не слышал или не хотел слышать (помните в "На дне" душераздирающий крик Актера?). Извечное российское постыдно наплевательское отношение к "маленькому" человеку — немолодой исследовательнице из провинциального Харькова. Постойте, а почему к маленькому? Почему доктор наук, великолепный опытный архивист Лидия Яновская — человек "маленький", а некий "имярек", засевший в редакции и заставляющий автора перекраивать текст по своему хотению, — "большой?" Кто установил такую чудовищную субординацию?

Яновская пишет о поколении "железных мальчиков", рассматривающих редакции журналов как свою вотчину и диктующих авторам свою, а чаще чужую (вызванную сиюминутной конъюнктурой) волю. Читала эти горькие строки и думала об обидной потере некоторыми литераторами, сотрудниками солидных изданий, изначальных человеческих качеств — стыда и совести. Вспомнилось, как совсем недавно прочла в питерском альманахе блестящую статью-памфлет блестящего критика, где доставалось всем — и Ахматовой, и

Лидии Чуковской, и Надежде Мандельштам... Подумала тогда: почему удар пришелся именно по ним, страстотерпицам? Ну, положим, смешно получилось, остроумно, но как-то не по-мужски, неблагородно. “Нет, твой Т. не будет учителем жизни, — сказала я приятельнице, — на что та ответила: “А ему и не нужно, главное сорвать аплодисмент”. Не мелковата ли цель у некоторых “железных мальчиков” среднего возраста? Не следует ли подумать о вещах, о которых с такой настойчивостью напоминает нам Михаил Булгаков?

“Записки о Михаиле Булгакове” — строение многоярусное. В нем вы найдете и рассказ о когда-то прославленном тромбонисте Борисе Ломбарде, чье имя встречается в небольшом булгаковском фельетоне; любопытное расследование, связанное с фотографией, сделанной Ильей Ильфом на похоронах Маяковского; историю о Марике Чимишкиан, через всю жизнь и все свои любви (обращаю внимание читателя на прекрасную лирическую новеллу об итальянце Курцио Малапарте!) пронесшую трогательную любовь к Михаилу Булгакову.

Много места уделяет исследователь отношениям Булгакова и Маяковского, доказывая, что они не были так враждебны, как это обычно изображается. Здесь я позволю себе не согласиться с автором. Возможно, Елена Сергеевна не числила Маяковского во врагах, но, Лиля Брик, по воспоминаниям хорошо ее знающей Ю. Добровольской, к Булгакову относилась крайне неприязненно. Маяковский в пьесе “Клоп”, шедшей в театре Мейерхольда, занес имя своего собрата по перу в “словарь умерших слов”: бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков. Не слишком хорошая основа для дружеских отношений. Представляется мне верной и отвергаемая Яновской гипотеза Б. Гаспарова, увидевшего в поэте Рюхине из “Мастера и Маргариты” пародию на Маяковского. Увы, не дружно жили в революционную эпоху писатели разных политических и художественных направлений. В этой связи еще одно маленькое

уточнение. В книге рассказывается, как однажды Булгакова оскорбил Виктор Шкловский. В одном из своих писаний он выразился так: “А у ковра Булгаков”. Это выражение исследовательница поясняет: “Оно означает, что на арене, “у ковра” представление ведет, развлекая публику, клоун”. Здесь некоторая неточность. У Шкловского сказано: “В Гамбурге — Булгаков у ковра”, то есть на ковер, где сражаются настоящие борцы, “по гамбургскому счету”, он не допускается. Не дозрел, стало быть. Думаю, лучшие творения Булгакова были Шкловскому (как и прочим) неизвестны, а кроме того, Виктор Борисович был обижен на сатирическое изображение в “Белой гвардии”, где автор вывел его под именем литератора Шполянского.<sup>4</sup>

Кто нынче не знает о Булгакове! Его звезда ярко горит на небосклоне российской словесности. Патриаршие пруды стали местом паломничества, сам писатель — кумиром молодежи, сделавшей “культовым” его роман о Мастере и Маргарите. Недаром с таким нетерпением, закулисным шумом и толками ожидается экранизация знаменитого произведения. Книга Яновской — из другого ряда. Она не шумная, не броская, хорошо ее читать не торопясь, рассматривая чудесные фотографии — самого Михаила Афанасьевича, Елены Сергеевны, их домочадцев и друзей... Нет, это совсем не скучное чтение.

- 
- 1 Обвинение в расизме в сегодняшней Америке может вызвать произнесение персонажами слова “негр” вместо нынеупотребляемого “афроамериканец” или, на худой конец, “черный”.
  - 2 Цитирую по статье В. Шенталинского” Мастер глазами ГПУ. За кулисами жизни Михаила Булгакова. Новый Мир, 1997, №10,11
  - 3 Не помогает ли эта деталь понять, почему Мастеру дарован не свет, а только покой?!
  - 4 См.Станислав Рассадин. Самоубийцы. М., “Текст”, 2002, стр. 8-9